

ИСЧЕЗНУВШИЕ ИСТОЧНИКИ РОСТА

Большая часть экономических дискуссий в современной России выстроена вокруг проблем хозяйственного роста: со средних темпов в 6,9% в 2000-2007 гг. он сократился до 4,4% в 2010-2011 гг., 0,9% в 2013-2014 гг., и, наконец, ушёл в отрицательные значения с конца 2014 г. Традиционно причинами этого называют снижение цен на нефть и основные продукты российского экспорта; ограничения в торгово-экономических отношениях с основными партнёрами, спровоцированные событиями на Украине; ужесточение внутренней политики и тотальное засилье «силовиков», ухудшающие деловой климат.

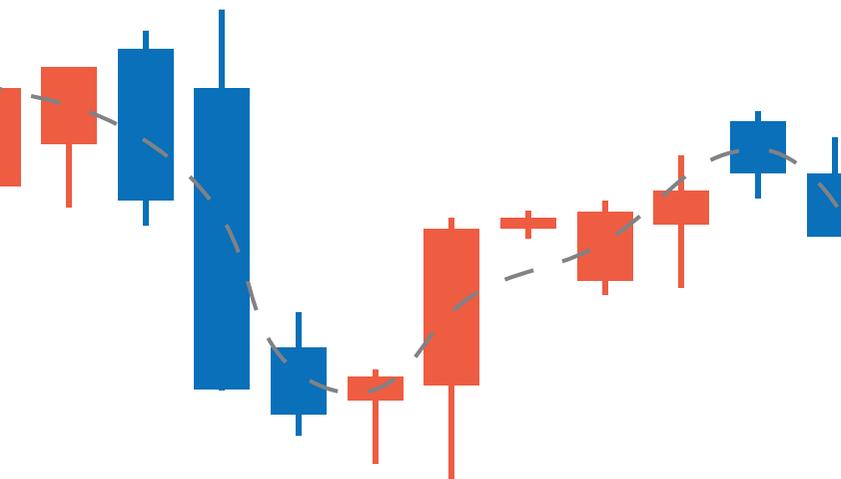
**ВЛАДИСЛАВ
ИНОЗЕМЦЕВ**

доктор экономических наук, директор Центра исследований постиндустриального общества

Однако, на мой взгляд, если бы проблемы сводились только к указанным обстоятельствам, ситуация была не столь критичной, как сегодня — потому что кроме них следует обратить, наконец, внимание на крайне специфическую отраслевую и секторальную структуру отечественной экономики.

В большинстве быстроразвивавшихся стран — от Южной Кореи до Бразилии, от Китая до Турции — в основе «экономического чуда» лежал стремительный рост индустриального сегмента. Промышленность в этих странах росла значительно быстрее валового внутреннего продукта (в Корее в 1975-1986 гг. средний темп прироста промпроизводства —

13,2% — почти в 2 раза превышал темп прироста ВВП, а в Китае в 1998-2007 гг. первый показатель был выше второго на 65-75%). Следует учитывать, что это стоимостные показатели — а цены на многие промышленные товары (от компьютеров до мобильных телефонов, от мебели до одежды) из-за серьёзной конкуренции на мировых рынках в эти годы снижались — значит, в абсолютных значениях рост был ещё бóльшим. В России всё происходило наоборот: даже в успешные 2000-е годы промышленность отставала в своём росте от валового продукта (в 2000-2004 гг. показатели составили соответственно 28,6 и 39,3%, в 2005-2008 гг. — 19,2 и 31,4%). Парадоксально, но даже в «базовых» отраслях роста по сравнению с позднесоветскими уровнями не наблюдалось: только газа в 2008 г. добыли на 2,1% больше, чем в 1990-м, тогда как нефти — на 4,3% а угля — на 18,5% меньше. При этом, вопреки обычной

практике и в отличие от тех же стран Юго-Восточной Азии, в России так и не было создано ни одной новой промышленной отрасли — таких, к примеру, как производство оргтехники, компьютеров или оборудования для мобильной связи.

Это стало первой причиной того, что экономический рост в России был и остаётся неустойчивым: мы зависим не от масштабов производства тех или иных товаров, а от цен на сырьё, добычу которого не в состоянии оперативно наращивать (для сравнения: с того

В 2000-е годы секрет российского экономического роста состоял не столько в ценах на нефть, сколько в том, что Россия и мир жили в одних социальных реалиях, и Россия стремилась догнать ушедших вперёд конкурентов. Перенять технологии и практики оказалось довольно просто — этим и был обусловлен «путинский прорыв».

же 1990 г. до сегодняшней поры Казахстан увеличил добычу нефти в 3,12 раза, а Катар добычу газа — в 25,3 раза [все данные тут и выше — по BP Statistical Review of World Energy 2016]]. Первой, но, как выясняется при детальном изучении, не единственной.

Напомним ещё раз: всплеск экономического роста в России пришёлся на 2000-е годы, которые для нашей

страны были очень нетипичным временем. До начала экономических реформ в 1990-х годах Россия (тогда ещё СССР) была практически исключена из глобального разделения труда и отрезана от многих современных нововведений — не только от компьютеризации и интернета, мобильной и цифровой связи, но даже от современных методов и форм организации финансового обслуживания и розничной торговли. С началом реформ страна открылась миру, но стремительное падение уровня жизни большинства граждан сделало значительную часть этих товаров и услуг недоступными (в конце 1990-х годов число мобильных телефонов в России не превышало 3 на 1000 жителей; первый крупный мегамаркет открылся в Москве в 1998 г., а пластиковые карты использовались не столько для повседневных расчётов, сколько для реализации разного рода «зарплатных схем»). 2000-е стали поэтому не только временем «нефтяного изобилия», но и периодом бурного развития сфер, прежде в экономике отсутствовавших.

В этих отраслях, добавлю, соединились два важных фактора: отсутствие первоначального широкого предложения соответствующих товаров и услуг и почти полное невнимание к ним со стороны государства, которое определило максимальное развитие здесь предпринимательской инициативы. Результаты не заставили себя ждать и оказались очень впечатляющими.

За период с 1999 по 2007 г., на протяжении которого, напомню, российский ВВП вырос на 77%, валовой продукт в сфере коммуникаций и связи увеличился в сопоставимых ценах со 102 млрд. до 1,06 трлн.руб., т.е. более чем в 10 раз (объём платных услуг по предоставлению интернет-трафика вырос в 22 раза); выручка банков и финансовых организаций за предоставленные финансовые услуги подскочила в 6,7 раза; сектор оптовой и розничной торговли увеличился в 4,3 раза, показатели строительного сектора — в 2,1 раза. К началу кризиса 2008 г. доля оптовой и розничной торговли в российском ВВП достигла 18,7%, строительства и операций с недвижимостью — 16,3%, коммуникаций и связи — 5,2%, финансового сектора — 5,1% (все данные — по Росстату). Суммарно на эти четыре отрасли пришлось почти 60% прироста ВВП Российской Федерации за первые два президентских срока В. Путина. Конечно, рост во всех этих секторах был простимулирован невиданным увеличением нефтяных сверхдоходов, «пролившихся» на отечественную экономику. Но неверно полагать, что все эти деньги могли спровоцировать хозяйственный рост в отсутствие отраслей, в которых они продуктивно «утилизировались», превращаясь в соответствующие услуги или товары.

Учитывая эти обстоятельства, стоит предположить, что замедление роста в последующие годы имеет более комплексную природу, чем принято считать. В отличие от большинства развитых и многих развивающихся стран, отмеченные выше сектора являются в России исключительно «потребляющими», а не производительными. Рост потребления услуг связи, покупок компьютеров, интернет-трафика и даже развитие современных форм розничной торговли практически ничего не

принесли отечественным производителям — по той простой причине, что почти всё, обеспечившее этот рост, изготавливается вне страны (более того — темпы роста указанных отраслей удивительно чётко обратно пропорциональны степени локализации производства их продукции). «Потребляющие» отрасли обеспечили разовый толчок российской экономике — но в отличие от стран, в которых за ним следует развитие соответствующей индустриальной базы, в России этот толчок остался без всяких серьёзных последствий.

Однако стоит добавить ещё одно обстоятельство: за годы раннего путинского подъёма данные отрасли смогли обеспечить такой рост производственных показателей, что практически вышли в зону полного насыщения платежеспособного спроса. Сегодня, по официальным данным, показатель проникновения мобильной связи в России — 174 сим-карты на 1 тыс. жителей — превышает уровень развитых стран Западной Европы и США, а стоимость услуг мобильной связи и высокоскоростного интернета в нашей стране является одной из самых низких в ОЭСР. Количество продаваемых в России в 2012-2013 гг. новых компьютеров в 2,2-2,5 раза превышало показатели Бразилии с её большими населением и экономикой. Комиссии за банковское обслуживание в российских банках в несколько раз ниже, чем в Соединённых Штатах с их традициями финансового сервиса. Насыщенность торговыми площадями в крупных мегаполисах сопоставима с европейской и существенно превышает показатели большинства стран с аналогичным уровнем развития. Поэтому даже если в ближайшем будущем цены на сырьевых рынках вернуться к максимальным уровням 2010-2011 гг., отрасли, обеспечившие невиданный экономический подъём 2000-х, будут не в состоянии повторить те результаты, которые они тогда продемонстрировали.

В 2000-е годы секрет российского экономического роста состоял не столько в ценах на нефть, сколько в том, что Россия и мир жили в одних социальных реалиях, и Россия стремилась догнать ушедших вперед конкурентов. Перенять технологии и практики оказалось довольно просто — этим и был обусловлен «путинский прорыв». Но дальнейшее развитие требует как минимум трёх условий, ни одно из которых не присутствует в нашей стране.

Во-первых, первичные заимствования должны провозировать и развитие собственного производства: прекрасные примеры такого рода встречаются в Китае, Турции, Мексике и Бразилии. Россия является, пожалуй, единственной страной в мире, в которой не предпринято даже минимальных попыток запустить высокотехнологичные промышленные производства: мобильных ли телефонов или компьютеров, оргтехники или медицинского оборудования. Как и в конце 1990-х годов, почти 100% потребности в этих товарах покрываются за счёт импорта, и перемен не предвидится. Соответственно, не стоит ждать и дополнительного роста ВВП от «новой индустриализации».

Во-вторых, мир с конца 1990-х годов существенно изменился, и сейчас «на острие прогресса» оказываются уже не производство компьютеров или мобильных, а

фармацевтика и биотехнологии, системы обработки гигантских массивов данных и разного рода сети (включая даже доставку товаров из интернет-магазинов). Во всех этих сферах необходимы огромные первичные технологические наработки (о которых сложно говорить в стране, не производящей даже собственного инсулина) или качественная инфраструктура, которой у нас также нет (недавно китайский интернет-ритейлер отказался поставлять в Россию товары даже через нашу срочную почтовую службу).

С началом реформ страна открылась миру, но стремительное падение уровня жизни большинства граждан сделало значительную часть этих товаров и услуг недоступными. 2000-е стали поэтому не только временем «нефтяного изобилия», но и периодом бурного развития сфер, прежде в экономике отсутствовавших.

В-третьих, современная экономика требует связанности её различных сегментов между собой, и императив этот будет только усиливаться. Пока же в развитых странах выходцы из России строят самые совершенные в мире поисковые системы, российское пространство стремительно замыкается, запрещая некоторые социальные сети, вынашивая идею национальных поисковиков или частичного закрытия рунета. В то время, когда в мире практически каждый успешный научный или бизнес-коллектив является интернациональным, мы занимаемся защитой национальных секретов, ужесточением условий допуска к закрытым или полужакрытым данным, выявлением иностранных агентов и ограничениями на работу иностранцев в России.

В заключение повторю ещё раз: не стоит удивляться, что Минэкономики выходит с прогнозом о том, что хозяйственный рост в стране не превысит 1% в год на горизонте до 2030 г. Это вполне реалистичный прогноз для страны, которая так и не попыталась «оседлать» те растущие отрасли, которые вывели её из кризиса 1990-х; не собирается увеличивать производство даже нефти и газа, не говоря о промышленных товарах, уповая лишь на то, что предметы её экспорта будут дорожать, а импортные товары — удешевляться; и, наконец, считает, что в эпоху всеобщей взаимосвязи и взаимозависимости необходимо закрывать национальные границы, а развивать импортозамещение следует разве что в сельском хозяйстве и текстильной промышленности. Самое же удивительное во всём этом состоит в том, что даже Минэкономики, наблюдая исчезновение источников хозяйственного роста, похоже, не пытается понять, что стало тому причиной...